

Семейные соглашения в международном частном праве

Аннотация. Проблематика семейных соглашений не нова для отечественной юриспруденции, но не утрачивает своей актуальности многие годы. Внимание к ней проявляют представители как семейного, так и международного частного права. Тем не менее комплексные исследования отсутствуют, хотя потребность в развитии конфликтных норм существует не только в теории, но и на практике. Так, требуют ответа общие коллизионные вопросы о допустимых способах определения компетентного права, нуждаются в практической реализации различные виды семейных соглашений, их признание. Автор обосновывает, что учет интересов участников семейного правоотношения наилучшим образом реализуется в рамках выбора сторонами соглашения права, подлежащего применению. При этом высказывает озабоченность, что за пределами коллизионного выбора остаются третьи лица, обеспечение интересов которых в рамках достигнутых договоренностей имеет обоснованные сомнения. При определении статута семейного соглашения в отсутствие коллизионного выбора сторон автор предлагает обратить внимание на недостатки и пробелы существующих коллизионных предписаний для тех субъектов семейных соглашений, чья способность к их заключению не вызывает сомнений. Расширение круга семейных соглашений, возможность их заключения между различными членами семьи требует, по мнению автора, не только их нормативного обеспечения, которое бы включало коллизионные предписания, учитывающие интересы их участников и третьих лиц, но и правил о признании и об исполнении, позволяющих быстро и эффективно урегулировать трансграничную семейную ситуацию, а также доказать свой статус и права и обязанности, которые из него вытекают. В свете основных направлений совершенствования семейного законодательства России предлагается актуализировать коллизионные решения, обеспечить более ощутимое влияние механизмов признания и исполнения на рассматриваемый институт российского права.

Ключевые слова: интерес; договор; коллизия; соглашение; признание; исполнение; семейные соглашения; международное частное право; коллизионные решения; семейное законодательство.

Для цитирования: Войтович Е. П. Семейные соглашения в международном частном праве // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 5. — С. 45–52. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.186.5.045-052.

Family Agreements in Private International Law

Elena P. Voitovich, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Civil Law and Procedure, Siberian Institute of Management (Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation)
ul. Nizhegorodskaya, d. 6, Novosibirsk, Russia, 630102
voitovich-ep@ranepa.ru

Abstract. The problem of family agreements is not new to Russian jurisprudence, but it has not lost its relevance for many years. Attention to the issue is shown by representatives of both family and international private law. Nevertheless, there are no comprehensive studies, although the need for the development of conflict-of-laws norms exists not only in theory, but also in practice. Thus, general conflict-of-laws issues concerning permissible ways of determining competent law need to be resolved, various types of family agreements need to be

© Войтович Е. П., 2022

* Войтович Елена Павловна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Сибирского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Нижегородская ул., д. 6, г. Новосибирск, Россия, 630102
voitovich-ep@ranepa.ru

implemented in practice and to be recognized in foreign jurisdictions. The author substantiates that taking into account the interests of participants in a family legal relationship is best implemented within the framework of the choice of the law to be applied by the parties to the agreement. At the same time, the author expresses concern that third parties remain beyond the conflict-of-laws choice. Thus, ensuring their interests within the framework of the agreements reached has reasonable doubts. When determining the status of a family agreement in the absence of a conflict of laws choice of the parties, the author suggests paying attention to the shortcomings and gaps of existing conflict of laws regulations for those parties to family agreements who are undoubtedly able to conclude such agreements. Expanding the range of family agreements and the possibility of their conclusion between different family members requires, in the author's opinion, not only their regulatory support that would include conflict-of-laws regulations taking into account the interests of their participants and third parties, but also rules on recognition and enforcement encouraging quick and effective settlement of a cross-border family case, as well as proving their status and the rights and obligations that follow herewith. In the light of the main directions of improving the family legislation of Russia, it is proposed to update conflict-of-laws decisions, to ensure a more tangible impact of recognition and enforcement mechanisms regarding the institution of Russian law under consideration.

Keywords: interest; contract; conflict; agreement; recognition; execution; family agreements; private international law; conflict of laws decisions; family law.

Cite as: Voitovich EP. Semeynye soglasheniya v mezhdunarodnom chastnom prave [Family Agreements in Private International Law]. *Lex russica*. 2022;75(5):45-52. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.186.5.045-052. (In Russ., abstract in Eng.).

Следствием увеличения контактов индивидов является установление трансграничных семейных связей, потребность в регламентации которых существует в каждом государстве. Однако построению эффективного механизма регулирования семейных отношений, осложненных иностранным элементом, препятствуют, как правило, различные правовые режимы брака, развода, родительства и т.д., вызывающие сомнения в наличии у лица статуса члена семьи, а также прав и обязанностей, которые из него вытекают. Диспозитивность семейно-правового регулирования усиливает эти сомнения, так как позволяет субъектам семейного права вступать в соглашения, которые неизвестны иностранному праву или известны с иным содержанием либо расцениваются как нарушающие публичный порядок. Задача международного частного права в этих условиях видится в придании правовой определенности сложившимся семейным связям с помощью таких юридико-технических средств, как выбор компетентного права, признание иностранных семейных соглашений. Обеспечивают ли нормы российского законодательства решение этой задачи? Для ответа на этот вопрос обратимся к институту семейных соглашений с позиции

доктрины, законодательства и практики его применения.

Семейные соглашения в российском праве являются объектом исследования не одно десятилетие. Отечественные фамиляристы предлагают солидный багаж трудов, уделяя внимание брачному договору, соглашению о разделе общего имущества супругов, договору суррогатного материнства, соглашениям об осуществлении родительских прав и др. Представители российской науки семейного права могут гордиться разработкой теории семейно-правового соглашения, выявлением его особенностей, определением круга договоров, регулирующих личные и имущественные отношения субъектов семейного права, и их влияния на правовой статус членов семьи¹. Многочисленные публикации и обсуждения позволили определить основные направления совершенствования семейного права России, выражающиеся в модернизации модели общего имущества супругов, правоотношений родителей и детей, а также модели алиментного обязательства². Они, без всякого сомнения, затрагивают институт семейных соглашений.

Семейные соглашения в международном частном праве особого интереса не вызывают.

¹ Н. В. Багрова, А. А. Вихарев, Е. В. Ерохина, О. Ю. Косова, А. Н. Левушкин, Л. Б. Максимович, Л. Ю. Михеева, А. В. Мыскин, О. Н. Низамиева, Т. А. Ниш, А. А. Пестрикова, В. Д. Рузанова, Д. Б. Савельев, О. Ю. Ситкова, Е. П. Титаренко, С. Ю. Чашкова, Е. А. Чефранова и др.

² Подробнее см.: Михеева Л. Ю. Перспективы развития семейного права на рубеже десятилетий // Семейное и жилищное право. 2020. № 3. С. 3–5.

Они рассматриваются либо в контексте обязательств (брачный договор³, соглашение об уплате алиментов⁴), либо в качестве иллюстрации общих проблем международного частного права или его отдельных институтов⁵. Недостаток комплексных исследований семейных соглашений компенсирует весьма разнообразная палитра суждений относительно допустимых способов определения применимого к ним права, а также пределов применения иностранных семейных норм. Всё это свидетельствует об отсутствии доктринального единства как по общим (методология международного семейного права), так и по частным (действительность иностранных семейных соглашений и их правовые последствия) вопросам.

В отечественной науке международного частного права понятие семейного соглашения не сформировалось, несмотря на то, что оно предназначено для «обслуживания» применения различных по своей направленности и регулируемому воздействию норм, определяющих личные и имущественные права и обязанности супругов в браке и (или) в случае его расторжения, место жительства детей при раздельном проживании родителей, порядок осуществления родительских прав, содержание несовершеннолетнего или нетрудоспособного члена семьи и т.д.

Более успешными следует признать попытки исчерпывающе сформулировать доктринальное определение этого понятия фамиляристами. Однако и здесь наблюдается дискуссия⁶, которая, как нам кажется, не имеет самостоятельного значения в международном частном праве. Тем не менее данная категория позво-

лила установить в российском праве специальные правила о видах, форме и содержании семейных соглашений, что обусловлено как прямо выраженным публичным интересом государства в поддержке семьи, материнства, отцовства и детства, так и интересом частным в пресечении семейных конфликтов, гармонизации интересов участников таких соглашений, а также лиц, которые в них не участвуют.

Очевидно, что соглашение родителей об осуществлении родительских прав родителем, проживающим отдельно, затрагивает интересы несовершеннолетнего; кредиторы имеют очевидный интерес в соглашении супругов о разделе общего имущества и т.д. Потребность учитывать интересы существует и в рамках коллизионного регулирования. Некоторые правила Семейного кодекса РФ эту цель достигают. Например, статья 163 СК РФ позволяет применять по требованию истца к алиментным обязательствам и к другим отношениям между родителями и детьми законодательство государства, на территории которого постоянно проживает ребенок, что продиктовано интересом несовершеннолетнего ребенка; статья 161 закрепляет интерес супругов подчинить их права и обязанности законодательству государства, где они имеют/имели совместное место жительства.

«Тем не менее, — отмечает А. В. Асосков, — взятые изолированно принципы коллизионного права не могут раскрыть его логику и, в частности, объяснить, почему в той или иной ситуации законодатель отводит предпочтительную роль одному принципу, а не другому»⁷. Автор, развивая концепцию «юриспруденции интересов», видит их значение в способности влиять

³ Отдельные виды обязательств в международном частном праве : монография / Н. И. Марышева, Т. П. Лазарева, М. П. Шестакова [и др.] ; отв. ред. Н. Г. Доронина. М., 2021. С. 401–430.

⁴ Концевой Г. В. Алиментные обязательства в международном частном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2015. 191 с.

⁵ Федосеева Г. Ю. Брачно-семейные отношения как объект международного частного права : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. 392 с. ; Туктамышова Л. Г. Особенности коллизионно-правового регулирования брачно-семейных отношений в международном частном праве Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2011. 187 с. ; Засемкова О. Ф. Сверхимперативные нормы международного частного права: понятие, признаки, практика применения : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 123–131.

⁶ См. подробнее: Стетюха М. П. Договоры в семейном праве: некоторые аспекты. М., 2019. 49 с. ; Филиппова Т. А., Громоздина М. В., Титаренко Е. П. Становление и развитие института соглашений в семейном праве // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2021. Т. 18, № 1. С. 57–65 ; Трофимова Г. А. Семейно-правовые акты волеизъявления: согласие, соглашение, договор // Нотариальный вестник. 2021. № 5. С. 48–69 ; Шевчук С. С. Об отдельных проблемах правовой квалификации семейно-правового договора // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2021. № 4 (53). С. 74–78.

⁷ Асосков А. В. Основы коллизионного права. М. : М-Логос, 2017. С. 13.

не только на выносимые решения, но и на содержание соответствующих правовых норм⁸, с чем нельзя не согласиться⁹.

Наилучшим образом учет интересов участников семейного правоотношения реализуется в рамках выбора сторонами семейного соглашения права, подлежащего применению, что находит нормативное выражение в закреплении принципа автономии воли (п. 2 ст. 161 СК РФ), доминирование которого в коллизионном регулировании является бесспорным. Преимущества этого принципа видятся не только в предоставлении сторонам возможности выбирать коллизионное решение, соответствующее индивидуальным интересам, но и в обеспечении предсказуемости, правовой определенности, гибкости коллизионного регулирования, а также в освобождении суда от необходимости применения объективных коллизионных норм¹⁰, придании семейным связям пространственной непрерывности. Предсказуемость и правовая определенность коллизионного выбора находят подтверждение в подчинении семейного соглашения конкретному правопорядку, гибкость позволяет учесть специфику объекта семейных прав и обязанностей, упрощение работы суда служит цели

процессуальной экономии, а пространственная непрерывность семейных связей обеспечивает неизменность семейного статуса лица. Выбор права может быть как двусторонним и осуществляться посредством инкорпорации положений иностранного законодательства в соглашение¹¹ или указания на право, подлежащее применению¹², так и односторонним (ст. 163 СК РФ); может быть явно выражен¹³ или может определенно вытекать из условий соглашения¹⁴.

Однако за пределами коллизионного выбора остаются третьи лица, обеспечение интересов которых в рамках достигнутых договоренностей имеет обоснованные сомнения. Может ли применяться выбранное сторонами в соглашении право при оспаривании, например, кредитором брачного договора, заключенного супругами? Действующее семейное законодательство РФ ответа на данный вопрос не дает. Более удачным решением похожей проблемы являются положения Регламента Совета ЕС 2016/1104 об осуществлении расширенного сотрудничества в области юрисдикции, применимого права, признания и исполнения решений по вопросам имущественных последствий зарегистрированных партнерств¹⁵ (ст. 22), а также Регламента Совета ЕС 2016/1103 об осуществле-

⁸ Асосков А. В. Основы коллизионного права. С. 16.

⁹ В Европе тем не менее «юриспруденция интересов» не оставила прямых следов в законодательстве и правоприменении, однако показала, что механическое и контентно-слепое коллизионное правило может вызывать сложности (см.: Encyclopedia of Private International Law / ed. by J. Basedow, G. Rühl, F. Ferrari, P. de Miguel Asensio. Cheltenham ; Northampton, MA, USA : Edward Elgar Publishing, 2017. Vol. 2 : Entries I–Z. P. 980, 987–988).

¹⁰ Асосков А. В. Коллизионное регулирование договорных обязательств. М. : М-Логос, 2017. С. 26–27.

¹¹ Так, супруги заключили брачный договор, по которому в отношении всего имущества в браке выбрали действие ст. 15 § 2 Вводного закона к Гражданскому кодексу Германии (см.: определение Калининградского областного суда от 14.07.2021 по делу № 33-3561/2021).

¹² В брачном договоре, заключенном во Франции между гражданкой РФ и гражданином Французской Республики, супруги выбрали законодательство последней как подлежащее применению для определения их прав и обязанностей по брачному договору (см.: определение Верховного Суда РФ от 09.03.2021 № 5-КГ20-144-К2).

¹³ Соглашение об урегулировании отношений супругов после развода при наличии иждивенцев или детей регулируется и толкуется в соответствии с законодательством штата Флорида (см.: определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 21.04.2021 по делу № 8А-4506/2021[88А-6089/2021]).

¹⁴ В деле об оспаривании соглашения об уплате алиментов, удостоверенного российским нотариусом, заключенного между представителем нетрудоспособных родителей, проживающих в Греции, и совершеннолетним ребенком — российским гражданином, суд пришел к выводу о том, что соглашения об уплате алиментов, заключенные ответчиком на содержание нетрудоспособных родителей, соответствуют требованиям российского законодательства, в связи с чем оснований для удовлетворения исковых требований истца не имеется (см.: решение № 2-6351/2015 2-6351/2015~М-5166/2015М-5166/2015 от 18.11.2015 по делу № 2-6351/2015 // URL: <https://sudact.ru/regular/> (дата обращения: 04.03.2022)).

¹⁵ Council Regulation (EU) 2016/1104 of 24 June 2016 implementing enhanced cooperation in the area of jurisdiction, applicable law and the recognition and enforcement of decisions in matters of the property

нии расширенного сотрудничества в области юрисдикции, применимого права, признания и исполнения решений по вопросам режимов собственности супругов¹⁶ (ст. 28).

Кроме того, автономия воли может быть реализована лишь при определенных условиях. Так, супруги могут выбрать право при заключении брачного договора или соглашения об уплате алиментов при условии отсутствия общего гражданства или совместного места жительства (п. 2 ст. 161 СК РФ). Такой выбор является де-юре безграничным, а де-факто может привести к применению экзотического правового порядка, не имеющего связи с государством гражданства или места жительства супруга (супругов).

Способность участников семейных соглашений к рациональному выбору применимого права предполагается. Однако не стоит сбрасывать со счетов, предостерегает Д. Унгерер, возможность его игнорировать, спровоцированную объективными конфликтными нормами, которые применяются в отсутствие коллизионного выбора. Эти правила могут пониматься как подталкивание законодателя к заранее определенной юрисдикции в интересах сторон, а не только ради индивидуальной эффективности¹⁷. Заметим, что целью нормативного регулирования должно быть не только обеспечение интересов лиц, заключивших семейное соглашение, или эффективность, при их несомненной значимости. Интерес кредитора супруга может проявляться в обращении взыскания на имущество супруга, режим которого изменен брачным договором; интерес несовершеннолетнего — в получении необходимого содержания от родителей, заключивших алиментное соглашение; интерес родственников ребенка — в общении, порядок которого определен его родителями, и т.п.

Семейный кодекс РФ предлагает для определения статута семейного соглашения в отсутствие выбранного сторонами права ряд принципов, среди которых закон страны со-

вместного места жительства супругов или их последнего совместного места жительства (п. 1 ст. 161), совместного места жительства родителей и детей (ст. 163), гражданства ребенка (ст. 163), гражданства получателя алиментов (ст. 164). Очевидно, что нормы демонстрируют преобладающее убеждение в эффективности связи отношения с государством обычного проживания или гражданства его участников (преимущественно супругов, родителей и детей), не предлагая коллизионных решений для других субъектов семейных отношений, способность которых заключать соглашения не вызывает сомнений. Среди них: лица, вступающие в брак; дедушки, бабушки и другие родственники; суррогатная мать и потенциальные родители. Кроме того, в числе возможных соглашений, к которым применимы объективные коллизионные нормы, названы лишь брачный договор и соглашение супругов об уплате алиментов. Остались ненормированными соглашения об определении долей и о разделе имущества супругов, соглашения об определении места жительства и о порядке общения с ребенком, соглашения иных членов семьи об алиментировании, договоры о применении вспомогательных репродуктивных технологий. При наличии спора между его сторонами перед российским судом неизменно возникнет вопрос о праве, которому такие соглашения подчиняются. Получение ответа исходя из действующего коллизионного регулирования не выглядит простой задачей.

Заметим, что во многих европейских государствах континентальной традиции отсутствуют специальные национальные нормы международного частного права, подлежащие применению к семейным соглашениям. Например, супружеские соглашения подчиняются общим правилам о финансовых сделках, а их действительность по общему правилу зависит от *lex loci contractus*, реже от закона совместного проживания супругов. Суды стран общего права, признав свою юрисдикцию, при-

consequences of registered partnerships // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A32016R1104> (дата обращения: 10.01.2022).

¹⁶ Council Regulation (EU) 2016/1103 of 24 June 2016 implementing enhanced cooperation in the area of jurisdiction, applicable law and the recognition and enforcement of decisions in matters of matrimonial property regimes // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32016R1103> (дата обращения: 10.01.2022).

¹⁷ Ungerer J. Nudging in Private International Law: The Design of Connecting Factors in Light of Behavioural Economics // The Rabel Journal of Comparative and International Private Law (RabelsZ). 2022. № 1. P. 1–31. URL: <https://doi.org/10.1628/rabelsz-2022-0002>.

меняют *lex fori* ко всем вопросам супружеской собственности, включая любые супружеские соглашения¹⁸.

К проблематике определения применимого права тесно примыкает признание иностранных семейных соглашений, которые российскому правопорядку неизвестны или известны с иным содержанием. К числу наиболее распространенных относятся добрачные соглашения (*prenuptial agreements*), соглашение о раздельном проживании (*separation agreement*), соглашения об опеке (*custody agreements*), соглашение о собственности партнерства (*partnership property agreement*) и т.д. В отсутствие международных инструментов признания и исполнения семейных соглашений работают национальные.

Примечательно, что Регламент ЕС № 1259/2010 о реализации расширения сотрудничества в области права, применимого к разводу и раздельному проживанию супругов по решению суда, не содержит положений о признании и об исполнении супружеских соглашений¹⁹, в то время как Регламент ЕС № 650/2012 о юрисдикции, применимом праве, признании и исполнении решений, принятии и исполнении нотариальных актов по вопросам наследования, а также о создании европейского свидетельства о наследовании²⁰ устанавливает правила, связанные с признанием, исполнимостью и исполнением решений, сходных с иными актами в сфере судебного сотрудничества по гражданским делам, а также гарантирует признание и возможность принудительного исполнения нотариальных актов по вопросам наследования во всех государствах — членах Европейского Союза.

В Российской Федерации национальные инструменты признания и исполнения семейных соглашений представлены в Гражданском процессуальном кодексе (гл. 45), практика применения положений которого к семейным соглашениям весьма скромна. Так, отказывая в удовлетворении административного иска,

суд первой инстанции пришел к выводу, что сам факт представления соглашения об урегулировании отношений супругов после развода при наличии иждивенцев или детей суду иностранного государства, включение указанного соглашения в решение суда иностранного государства не свидетельствуют о порочности указанного соглашения как заключенной сделки и не исключает возможности предъявления его к принудительному исполнению на территории Российской Федерации в службу судебных приставов-исполнителей. Суд апелляционной инстанции возразил, что само соглашение не является самостоятельным исполнительным документом, нотариально удостоверенным, как это предусмотрено в ч. 11 пп. 11 ч. 1 ст. 12 Федерального закона № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (исполнительные документы, выданные компетентными органами иностранных государств и подлежащие исполнению на территории Российской Федерации в соответствии с международными договорами Российской Федерации), т.к. является составной частью судебного решения. Этот вывод поддержал суд кассационной инстанции²¹.

Очевидно, что отсутствие внятного механизма легализации иностранных семейных соглашений создает правовую неопределенность, ставит под сомнение наличие прав и возможность их реализации.

Глобализация, растущая мобильность, несомненно, бросают вызов традиционному подходу к коллизионным нормам и делают неизбежной их адаптацию к современным условиям. Расширение круга семейных соглашений, возможность их заключения между различными членами семьи требуют их нормативного обеспечения, которое бы включало как коллизионные предписания, учитывающие не только интересы их участников, но и третьих лиц, так и правила о признании и об исполнении, позволяющие быстро и эффективно урегулировать трансграничную семейную ситуацию, а также

¹⁸ Encyclopedia of Private International Law. P. 1244–1245.

¹⁹ Council Regulation (EU) No 1259/2010 of 20 December 2010 implementing enhanced cooperation in the area of the law applicable to divorce and legal separation // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX%3A32010R1259> (дата обращения: 12.01.2022).

²⁰ Regulation (EU) No 650/2012 of the European Parliament and of the Council of 4 July 2012 on jurisdiction, applicable law, recognition and enforcement of decisions and acceptance and enforcement of authentic instruments in matters of succession and on the creation of a European Certificate of Succession // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32012R0650> (дата обращения: 12.01.2022).

²¹ Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 21.04.2021 по делу № 8А-4506/2021[88А-6089/2021].

доказать свой статус и/или права и обязанности, которые из него вытекают. Действующему российскому законодательству, взявшему с принятием Семейного кодекса РФ курс на отказ от территориального подхода к определению применимого права, необходимо создание

системы четкой и эффективной защиты прав и интересов участников семейных отношений посредством совершенствования механизмов коллизионного регулирования, а также признания и исполнения иностранных семейных соглашений.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Асосков А. В. Коллизионное регулирование договорных обязательств. — М. : М-Логос, 2017. — 640 с.
2. Асосков А. В. Основы коллизионного права. — М. : М-Логос, 2017. — 352 с.
3. Засемкова О. Ф. Сверхимперативные нормы международного частного права: понятие, признаки, практика применения : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2017. — 250 с.
4. Концевой Г. В. Алиментные обязательства в международном частном праве : дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2015. — 191 с.
5. Михеева Л. Ю. Перспективы развития семейного права на рубеже десятилетий // Семейное и жилищное право. — 2020. — № 3. — С. 3–5.
6. Отдельные виды обязательств в международном частном праве : монография / Н. И. Марышева, Т. П. Лазарева, М. П. Шестакова [и др.] ; отв. ред. Н. Г. Доронина. — М. : Контракт, 2021. — 432 с.
7. Стетюха М. П. Договоры в семейном праве: некоторые аспекты. — М. : Ridero, 2019. — 49 с.
8. Трофимова Г. А. Семейно-правовые акты волеизъявления: согласие, соглашение, договор // Нотариальный вестник. — 2021. — № 5. — 48–60.
9. Туктамышова Л. Г. Особенности коллизионно-правового регулирования брачно-семейных отношений в международном частном праве Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. — Волгоград, 2011. — 187 с.
10. Федосеева Г. Ю. Брачно-семейные отношения как объект международного частного права : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2007. — 392 с.
11. Филиппова Т. А., Громоздина М. В., Титаренко Е. П. Становление и развитие института соглашений в семейном праве // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2021. — Т. 18. — № 1. — С. 57–65.
12. Шевчук С. С. Об отдельных проблемах правовой квалификации семейно-правового договора // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. — 2021. — № 4 (53). — С. 77–82.
13. Encyclopedia of Private International Law / ed. by J. Basedow, G. Rühl, F. Ferrari, P. de Miguel Asensio. — Cheltenham ; Northampton, MA, USA : Edward Elgar Publishing, 2017. — Vol. 2 : Entries I–Z. — 1854 p.
14. Ungerer J. Nudging in Private International Law: The Design of Connecting Factors in Light of Behavioural Economics // The Rabel Journal of Comparative and International Private Law (RabelsZ). — 2022. — № 1. — P. 1–31. — URL: <https://doi.org/10.1628/rabelsz-2022-0002>.

Материал поступил в редакцию 8 марта 2022 г.

REFERENCES

1. Asoskov AV. Kollizionnoe regulirovanie dogovornykh obyazatelstv [Conflict of laws regulation of contractual obligations]. Moscow: M-Logos; 2017. (In Russ.).
2. Asoskov AV. Osnovy kollizionnogo prava [Fundamentals of conflict of laws]. Moscow: M-Logos; 2017. (In Russ.).
3. Zasemkova OF. Sverkhimperativnye normy mezhdunarodnogo chastnogo prava: ponyatie, priznaki, praktika primeneniya: dis. ... kand. yurid. nauk [Superimperative norms of private international law: concept, signs, practice of application: Cand. Sci. (Law) Thesis]. Moscow; 2017. (In Russ.).
4. Kontsevoy GV. Alimentnye obyazatelstva v mezhdunarodnom chastnom prave: dis. ... kand. yurid. nauk [Alimony obligations in private international law: Cand. Sci. (Law) Thesis]. Saratov; 2015. (In Russ.).
5. Mikheeva LYu. Perspektivy razvitiya semeynogo prava na rubezhe desyatiletiiy [Prospects of Family Law Development at the turn of Decades]. *Family and Housing Law*. 2020;3:3-5. (In Russ.).

6. Marysheva NI, Lazareva TP, Shestakova MP, et al. Doronin NG, editor. Otdelnye vidy obyazatelstv v mezhdunarodnom chastnom prave: monografiya [Certain types of obligations in private international law: monograph]. Moscow: Kontrakt; 2021. (In Russ.).
7. Stetyukha MP. Dogovory v semeynom prave: nekotorye aspekty [Contracts in Family Law: Some Aspects]. Moscow: Ridero Publ.; 2019. (In Russ.).
8. Trofimova GA. Semeyno-pravovye akty voleizyavleniya: soglasie, soglashenie, dogovor [Family legal acts of will: consent, agreement, contract]. *Notarialnyi vestnik*. 2021;5:48-60. (In Russ.).
9. Tuktamysheva LG. Osobennosti kollizionno-pravovogo regulirovaniya brachno-semeynykh otnosheniy v mezhdunarodnom chastnom prave Rossiyskoy Federatsii: dis. ... kand. yurid. nauk [Features of conflict-of-laws regulation of marriage and family relations in private international law of the Russian Federation: Cand. Sci. (Law) Thesis]. Volgograd; 2011 (In Russ.).
10. Fedoseeva GYu. Brachno-semeynye otnosheniya kak obekt mezhdunarodnogo chastnogo prava: dis. ... d-ra yurid. nauk [Marriage and family relations as an object of private international law: Doctoral Dissertation]. Moscow; 2007. (In Russ.).
11. Filippova TA, Gromozdina MV, Titarenko EP. Stanovlenie i razvitie instituta soglasheniy v semeynom prave [Establishment and Development of the Agreements Institution in Family Law]. *Herald of Omsk University. Series «Law»*. 2021;18(1):57-65. (In Russ.).
12. Shevchuk SS. Ob otdelnykh problemakh pravovoy kvalifikatsii semeyno-pravovogo dogovora [On Certain Problems of Legal Qualification of a Family Law Contract]. *Bulletin of the St. Petersburg Law Academy*. 2021;4(53):77-82. (In Russ.).
13. Basedow J, Rühl G, Ferrari F, Miguel Asensio de P, editors. Encyclopedia of Private International Law. Vol. 2. Cheltenham; Northampton, MA, USA: Edward Elgar Publishing; 2017.
14. Ungerer J. Nudging in Private International Law: The Design of Connecting Factors in Light of Behavioural Economics. *The Rabel Journal of Comparative and International Private Law (RabelsZ)*. 2022;1:1-31. Available at: <https://doi.org/10.1628/rabelsz-2022-0002> [Accessed: 01.05.2022].